

ПЕТЕР ПОУЛЬСЕН

[161]

ИЛ 12/2019

Стихи

Перевод с датского и вступление НОРЫ КИЯМОВОЙ

В 2015 году издательство “Линдхарт и Рингхоф” отметило 75-летие Петера Поульсена, выпустив в свет его двадцать пятый по счету поэтический сборник.

Редактор Поульсена, Лене Виссинг, наведлась перед тем в Центральную библиотеку Копенгагена — поискать более ранние сборники, и насчитала целых двадцать один. Что показательно, ведь в эпоху всеобщей дигитализации многие датские библиотеки предпочитают комплектовать фонды по выбору пользователя и далеко не всегда в пользу печатных изданий.

Но и это еще не все.

— Люди действительно читают твои стихи, — сообщила юбиляру редактор. — Там многое подчеркнуто.

— А может, просто зачеркнуто? — отозвался тот.

Сдержанная ирония — очень характерная черта этого глубоко нетрадиционного, по мнению критиков, модерниста.

Правда, сам Петер Поульсен если и соглашается слыть модернистом, то уж традиционным. А вообще, он не склонен ни к каким дефинициям. И к своему творчеству относится “без придыхания”. Составляя сборник “Цикады поют”, он перемешал стихи, написанные на протяжении сорока лет —

© Нора Киямова. Перевод, вступление, 2019

Стихи публикуются с любезного разрешения автора и издательства “Lindhardt og Ringhof”.

со времени его дебюта в 1966-ом, — и расположил их “несколько произвольно”, сняв при этом многие названия, к своему, как он выразился, великому облегчению: ты словно бы пришел вечером домой — и ослабил галстук. “Мы живем хронологически, но это только на поверхности; если нырнуть поглубже, обнаруживаются иные, самые неожиданные связи”.

Интонация стихотворений Поульсена — тихая и спокойная, он умело использует свой поэтический инструментарий, не прибегая к украшательствам, с легкостью переходит от большого к малому и наоборот. И, умудренный жизненным опытом, с годами все более философски-меланхолический, до сих пор не перестает удивляться микро- и макрокосму.

У себя на родине Петер Поульсен считается одним из лучших чтецов. Давний и страстный поклонник джаза, он нередко озвучивает свои стихотворные тексты в сопровождении джазовой музыки. К сожалению, это невозможно воспроизвести на страницах журнала. Так что остается улавливать внутренний нерв и ритм поэтической фразы, читая только глазами.

Будь я Гамлет

Будь я Гамлет,
я покупал бы Офелии цветы, жевательный мармелад,
наушники, зубочистки, шампанское,
пригласил бы ее в путешествие
во Флоренцию или Рим.

Будь я Гамлет,
я подарил бы ей клетку, полную звонких зебровых
амадин,
белые фигурные коньки,
проездной на паромы в Швецию.

Будь я Гамлет,
я бы занялся своей личной жизнью,
вместо того чтоб погружаться в семейное;
разделил бы Кронборг¹
на несколько частных квартир,
а сам переехал куда-нибудь на Фиольгэде²
...и, пожалуй, приобрел водяной матрас...

1. Замок вблизи города Хельсингёр (Эльсинор) на северо-восточной оконечности острова Зеландия; широко известен под именем Эльсинор как место действия шекспировской трагедии. (*Здесь и далее – прим. перев.*)

2. Улица в историческом центре Хельсингёра.

Будь я Гамлет,
я бы отбросил все мрачные мысли
и поднялся над самим собой,
вместо того чтоб поддаваться сомнениям
и закатывать длинные монологи.

[163]

ИЛ 12/2019

Я бы не вмешивался в интимные дела моей матери,
будь я Гамлет.
Признал бы тот факт, что старикан умер,
и не таскался крошечной ночью за призраком,
который буквально одержим мстостью.

Будь я Гамлет,
я бы не трогал Полония,
старого маразматика
(пусть стоял бы себе за ковром сколько душе угодно),
и отказался ехать куда бы то ни было
с duetto Гильденгиль-Розеншваль,
или как их там еще величают.

Будь я Гамлет,
я бы шатался по городу вместе с Горацио,
распивал бочковое пиво с Франком Йегером¹,
играл в кости с матросами в портовых трактирах,
кадрил шведских дам,
сделал бы себе на руке татуировку:
пылающее сердце,
а под ним —

Ophelia, I Love You

...будь я Гамлет.

Тоска по дому

Буря треплет готовые к полету деревья.
Смотри, как они порывисто
машут ветками. Им не терпится домой,
во вселенную.

1. Франк Йегер (1926–1977) — датский поэт-модернист; последние годы своей жизни провел в Хельсингёре.

Что произошло с тишиной

Тишина, которая наступает
после игры Стэна Гетца и Билла Эванса¹,
уже не та,
что царила до.

Мне кажется, она звучит по-другому,
она словно от чего-то освободилась
и уяснила себе
свою сущность.

Перед ней распахнули окно,
и она жадно глотает
прохладный воздух.

Другие слова

Слова возвращаются ко мне обратно.
Они хотят знать, что я в них вкладывал.

Я объясняю им как могу,
но это их не устраивает.

Я пытаюсь объяснить другими словами.
Все без толку.
Они таращатся на меня с недоверием.
Явно считая,
что я их разыгрываю.

Черновик заявления в психиатрическую больницу

...ну если хотите, в дурдом.
А кое-кто называет это психушкой
или даже скворечником. Как бы то ни было,
я хочу попасть сюда, и желательно
в сверхзакрытое отделение.

1. Стэн Гетц (1927–1991) – американский джазовый музыкант, прозванный The Sound (Звук) за то, что он извлекал из своего инструмента, тенорового саксофона, красивейшие звуки; Билл Эванс (1929–1980) – американский исполнитель джаза и композитор, один из величайших джазовых пианистов XX века.

Должен вам сказать, я совершенно нормален,
я нормальнее всех в моем окружении,
поэтому самое меньшее, что мне положено,
это отдельная палата, ибо я знаю:
Ньютон фундаментально ошибся,
не просек, что яблоко элементарно устало.

Далее, я — единственный на свете датчанин,
надо думать, это веское основание
меня изолировать,
чтоб меня не сожрали
всякие другие датчане,
притом что у многих вставные зубы,
которые они кладут на ночь в стакан с водой.

Пристальное чтение

“Сердце имеет свои причины,
коих не знает разум”, —
написал некогда
человек по имени Блез Паскаль.

По-моему, я ошибся дверью,
попал не в тот дом.
По-моему, я иду незнакомой улицей
в городе, которого нет и, быть может,
никогда не было.

Пышно цветущие рододендроны
напоминают излишне метафорические стихи
или английский сад
прямо перед тем, как падет роса
и на деревню опустится тишина,
и ты будешь слышать лишь ее и ничего больше
и думать, что, быть может, это та самая тишина,

какую слышал Паскаль, записывая свои *Мысли*
скрипучим гусиным пером
на желтоватом пергаменте,
который обстоятельно исследовал клоп,
в то время как автор, уснув на стуле,
грезил в своих сладостных снах
об арифметическом треугольнике
и небесном пространстве.

Триумф поэзии

“Тише снега ничего нет на свете белом”¹.

Но а как же мастика для пола
или шерсть? И еще очень тихо
ведут себя ногти,
кошачьи усы и расчески.

Мячик, что был равнодушен к стрижу²
и пролежал в водосточном желобе
не один год, не выдав себя при этом
не то что ни малейшим, но даже подобием звука,
и скамейка возле киоска ночью —
воплощение всеобъемлющей тишины.

Я много чего еще мог бы упомянуть:
марки, салфетки, презервативы
(особенно когда они, ожидая, лежат в автомате).
Но поэт был тем не менее прав.
Нет на свете ничего тише, чем снег.

Полольщица

Женщина, склонившаяся над клумбой,
отвлекает мои мысли от роз.

Сад, в котором она стоит,
выглядит как в стихотворении Алберту Каэйру³:
“у цветов на регулярных клумбах испуганный вид,
словно к ним вот-вот нагрянет полиция”.

Подобные сады не имеют с природой
ничего общего. Их строгая планировка
немало напоминает мне
военный парад.

Задранный женский зад, напротив,
будоражит заторможенные инстинкты,
и мой рептильный мозг закипает
поистине с первобытной силой.

1. Знаменитая строка датского лирика Хельге Роде (1870–1937).

2. Отсылка к сказке Х. К. Андерсена “Жених и невеста”.

3. Один из гетеронимов португальского поэта, прозаика и драматурга Фернандо Пессоа (1888–1935).

Последние вязы

Прежде вдоль этой тропинки росли высокие вязы.
Под их сенью можно было стоять и смотреть на
море,
можно было лежать и смотреть на небо.

Возвращаясь ночью домой, ты слышал
их шепот, он шел от дерева к дереву.

А потом они начали умирать
от болезни, которую называют голландской.
И теперь их можно
пересчитать по пальцам.
Расстояние между ними так велико,
что они не могут уже перешептываться друг с другом.

Вопрос в том только,
как им предстоит умереть:
от голландской болезни или же одиночества.

Неожиданный выходной

Камень сам собою вкатывается на гору.
Мне думается,
это бы наверняка обрадовало Камю,
будь он жив,
и кое-кого еще.
Но, разумеется, больше всех —
самого Сизифа.
Наконец-то у него развяжутся руки
и он сможет купить новую сим-карту
для своего айфона,
продеть в кроссовки новые шнурки
и переделать прочие экстренные дела.
Главное — не тратить времени даром.
Ведь завтра снова рабочий день.

Генеральная репетиция

Когда я уведу с собой
мое сознание в неведомое,
книги мои останутся без меня.

Будет ли им одиноко
или они понадеются,

что овладеют чьим-то сознанием
где-то еще?

Им неизвестно, куда они попадут;
у некоторых, возможно,
живы воспоминания
о том, что некогда
они были в лучшем обществе.

Старейшая — из Рио-де-Жанейро,
издана в 1846-м,
отпечатана на Rua Lavradio¹, 53.
“Em mil tormentos trago o coração”²,
говорится на 38-й странице.
Под этим бы мог подписаться каждый.

Мне пора. Призывают дела.
Книгам придется
побыть в одиночестве.

Вернусь —
они по-прежнему будут стоять
в своей открытой темнице
с видом на море.

То же самое,
если я не вернусь.

Элегия

Поздней осенью
с моих стихов
оппадают рифмы,
и они стоят раздетые,
дрожа от холода.

Я знаю, их так и подмывает возвысить голос.

Но кому охота слушать нагие,
безрифменные стихи
в нынешние серьезные времена,

1. Ныне известная улица со множеством антикварных магазинов.

2. “Тысячу мук ношу в своем сердце” (*португ.*). Из стихотворения бразильского поэта XIX века Мануэля Антониу Феррейры да Силвы.

когда на карту поставлено нечто бóльшее,
когда не только сибирский тигр,
но и носорог и даже котлета
находятся под угрозой исчезновения.

*Plurālis modestiae*¹

Вначале было нелегко преодолеть скепсис.
Одна уже необходимость дышать
явилась для нас настоящим шоком,
не говоря уж о том, как это было больно.

Жизнь, быстро поняли мы, – вечное отлучение.
Сперва – от груди, после – от молока, позже – от
сигарет.

Хотя нас ожидали новые груди,
оказывалось, что это не совсем то.

Мы полагаем, многие были разочарованы.
Но заявить о положении дел осмелились единицы.
Мы обвиняли во всем других.
Жену. Всевышнего. Муниципальные службы.

Если все перечислять, то не хватит места.
Капитал воспоминаний почти исчерпан.
Мы добрались до бегущей строки,
где благодарим всех, с кем мы жили.

В миссионерской гостинице

Одиночный номер. Умывальник. Библия.
Урчание батареи.

Со своего места над изголовьем
Иоанн Креститель возводит очи к пожелтелому
потолку,

словно у него вот-вот вырвется:
Господи, Боже мой, почему эти люди
приобретают такие дешевые лампы?

Под окном – пешеходная улица.
По ночному безлюдью бредет одинокий путник,

1. Множественное скромности (*лат.*). Употребление в речи о самом себе множественного числа, дабы не выставлять на первый план свое “я”.

подпирая фасады, чтоб те не рухнули
и не разбудили городских жителей.
Он или неотразимо пьян,
или прямой потомок бога Атланта,
хотя нет, тот, похоже, был не бог,
а титан.

В провинции оказываешься ближе к темноте,
чем в метрополиях мира;
то ли оттого, что города здесь меньше,
то ли оттого, что темноты здесь больше,
а может даже, и от того, и от этого.

В доме напротив сквозь тонкую занавесь
дразняще обозначился силуэт:
женщина или смотрится в зеркало,
или предлагает себя возлюбленному.

О, дамы, обитающие в провинции,
вы, кто этим вечером в библиотеке
сидели и слушали мои стихи,
я готов пожертвовать правой рукой и еще кое-чем
в придачу,
лишь бы одна из вас была сейчас со мной рядом;
вот ты, с удивительно карим взором,
ты, что замужем за библиотекарем,
ты, у кого длинные темные локоны
обрамляют луноподобный лик,
почему ты бесшумно не встанешь,
и, крадучись по кривым переулкам, не придешь
ко мне,
ко мне, одиноко странствующему в поэзии?

Мои поцелуи будут мягче,
чем ночные взмахи совиных крыл,
я обниму тебя со всею силой любви,
которую я вмещаю;
объединив усилия, вполне можно сделать так,
что Иоанн Креститель закатит глаза
и напрочь забудет про злосчастные лампы.

А назавтра, открыто держась за руки,
мы пройдемся по главной улице,
выпьем кофе с булочками в немецком салуне,
который был некогда рыбной лавкой;
я куплю тебе белый домик в самом центре,

и мы заживем с тобой во грехе,
к удовлетворению всеобщего любопытства.

Почему же я не встаю?
Почему не иду к твоему жилищу,
объясниться тебе в любви,
бросить твоему мужу в лицо жестокую правду?
Почему бы не остаться и не пустить корни
здесь, где почти достаешь до неба со звездами?
Мне бы надо поджечь обратный билет
и начисто забыть, что поезд отправляется в 6.13.
Мне бы надо изменить свою жизнь
и начать в этом городе
все сначала.

* * *

Я мерзну, если не надеваю шапку.
С возрастом становишься пронизваем и уязвим,
пальцы похрустывают, как хворост,
состояние подвержено переменам.
Молодежь в кафе вежлива, но соблюдает дистанцию,
словно к ним забрело не то чтоб совсем былое,
но во всяком случае уходящее время.
Воды разделились — тебя пропускают к стойке —
и снова сомкнулись. Официант с тобой держится
несколько иначе, чем с прочими,
но в чем это выражается, толком не объяснишь;
мы с ним похожи и вместе с тем разные,
как старая и новая пунктуация.
Он наливает мне вино с осторожностью,
словно бокал вот-вот разлетится вдребезги.
Однако цена показывает: ты по-прежнему
считаешься производительным членом общества.

Мальчик и луна

Скульптура из кованого железа Лисса Эрикссона¹

На железном постаменте кровать, и на ней сидит
мальчик.

Он сидит, обняв руками колени,

1. Самый маленький (15 см) памятник в Швеции, установленный в Старом городе Стокгольма в 1967 г., его автор — скульптор Лисс Эрикссон (1919–2000).

чуть запрокинув голову.
И круглый год глядит на луну.
Он невелик, этот маленький мальчик, но велико
его удивление,

[172]

ИЛ 12/2019

и велика луна над маленьким двориком.
Зимой (читаю) какая-нибудь из женщин
покрывает вязаной шапочкой его голову,
оглаженную до лунного блеска
бесчисленными руками прохожих.
На постамент перед ним бросают монеты —
луны, наделенные магической силой.
Маленький мальчик — частица вселенной.
Он прилунился здесь словно по волшебству.
Может быть, в мальчике этом,
глядящем на луну с Большюстеппан,
воплощается все, что мы, люди, связываем с луной.